

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА ПУШКИНА

На первый взгляд, стихотворение «**Дар напрасный, дар случайный...**» (1828) несет в себе беспросветную однозначность пессимизма и сомнения. Это может показаться противоречием жизнеутверждающему пафосу стихотворений Пушкина. Эпитеты «напрасный», «случайный», «враждебной», «пусто», «празден», однотонность «тоскливых» слов «казнь», «ничтожество», «тоскою», безоговорочность итоговой формулы — «И томит меня тоскою / Однозвучный жизни шум» — внушают вполне определенное настроение.

Но это настроение «подрывается» изнутри образом, содержащим совершенно иное эмоциональное наполнение: жизнь характеризуется Пушкиным как «дар». Жизнь может восприниматься и как наказание, и как страдание, но в любом случае — это дар. Словом «дар», с которого начинается текст, в стихотворение вводятся уже иные — светлые ассоциации.

Жизнь — дар, то есть нечто не изначально принадлежащее человеку, но доставшееся ему извне. Кто-то и зачем-то дал человеку жизнь, и до тех пор, пока человек не поймет цели собственной жизни, его сердце останется пустым, ум праздным, а жизнь тоскливым и монотонным шумом, «напрасным» и «случайным» даром. Отношение к жизни как к дару, необходимость активной, действенной позиции, которая может помочь человеку сделать жизнь по-настоящему своей, — такая установка задана в тексте наряду с настроениями тоски и сомнения. Пушкин передает реальную сложность мироощущения человека.

«Брожу ли я вдоль улиц шумных», 1829.

Человек живет во времени и пространстве. Для одних жизнь — это часы и дни, для других — годы и века. Так, осознавая краткость, скоротечность жизни, К.Н. Батюшков противопоставляет «веселый час» «векам»: «Ах, не долго веселиться и не веки в счастье жить» («Веселый час»). Бег времени видится поэту в образе погони за человеком безжалостного бога времени. И «пока бежит за нами Бог времени седой», человек должен успеть насладиться жизнью. Осознает мгновенность жизни и В.А. Жуковский, но его выводы противоположны: «Что может разрушить в минуту судьба..., то на свете не наше» («Теон и Эсхин»). Жуковский призывает жить вечными ценностями и не унижать себя поисками «наслаждений минутных».

Одни не представляют жизни без движения, перемещения в пространстве, изменения места жительства или образа жизни. Другие, как деревья, вырастают корнями в тот кусочек пространства, на котором родились и вне которого не мыслят своего существования. Здесь Батюшков в стихотворении «Странствователь и домосед» и Жуковский в стихотворении «Теон и Эсхин» сходятся в своих предпочтениях устойчивого образа жизни и родного уголка. Оба ставят под сомнение позицию «странствователя», ищущего в чужих краях мудрости или «изменяющих благ».

Осознание жизни у Пушкина тоже происходит через «примеривание» себя к разным типам и проявлениям пространства и времени. Улицы или храм, лес или соседняя долина – это все то «место» в жизненном пространстве, которое лирический герой готовится уступить «младенцу милому», которое в свое время уступили ему самому «отцы». Можно выбрать динамический образ жизни. «Брожу», «Вхожу», «Сижую» - первые три строки стихотворения начинаются глаголом, частью речи, которая обозначает действие. Можно сопоставить движение («Брожу») и неподвижность («Сижую») как одинаково приемлемые варианты существования. Можно совместить внешнее движение, перемещение в пространстве («Брожу») и внутреннее движение, жизнь души («Я предаюсь моим мечтам»). Пушкин не противопоставляет динамику и статику, а совмещает их, дополняя одно другим.

И в отношении ко времени он столь же не избирателен, соединяя малые и большие единицы времени, тогда как Жуковский и Батюшков противопоставляют их. «Миг блаженства век лови»- напишет Пушкин в раннем стихотворении. «Каждый час уносит частичку бытия», - скажет он в последние годы жизни. «Миг» он неизменно соотносит с «веком», а «час» представляет как «частичку бытия». Правда в юности время он считает необходимым заполнить поисками «блаженства». Зрелость же приносит сознание с каждым мгновением уходящей жизни.

Слова, обозначающие различные «частички бытия», в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» являются своеобразными «вехами» для движения поэтической мысли: «Годы», «час», «мой век», «век отцов», «время», «день», «година», «вечною», «вечны». Жизнь человека измеряется часами, днями или годами. Жизнь природы – веками. И «дуб уединенный» переживает и «век забвенный» лирического героя, и «век отцов». Жизнь человека на земле, каково бы место он для себя ни выбрал, - не вечна. Это то единственное, что мы знаем с определенностью. Но мы можем только стараться «угадать» час и место («И где мне смерть пошлет судьбина?») ухода из жизни.

Вдумчивого читателя поражает целесообразность, неслучайность используемых поэтом образов. Кажется, что Пушкин использует первые пришедшие на ум слова и их легко можно заменить какими-то другими или даже отказаться от какого-то звена в цепочке перечислений. На самом деле, глубокого внутреннего смысла исполнено каждое слово. Но смысл этот по-настоящему постигается только в случае учета всех связей и отношений, которыми это слово объединено с другими. Так, в первой строфе образы «улиц шумных», «многолюдного храма», «юношей безумных» создают представление о множестве людей, которые бесконечно различны по своим характерам, видам деятельности. Это и просто прохожие, и те, кто молятся, и те, кто безумствуют. Но все они объединены одним: их жизнь, какова бы она ни была и на что бы ни была направлена, - конечна. С представлением о множественности, созданном в первой строфе, перекликается, акцентируя и суммируя его, строка второй строфы: «И сколько здесь ни видно нас». Третья

строка второй строфы это значение объединения всех предстоящим всем концом подчеркивает («Мы все сойдем под вечны своды...»). А в последней строке опять проводится разграничение – «И чей-нибудь уж близок час». Но это разграничение иного характера, чем в первой строфе: не по жизненным ролям, а по времени конца, по своему смертному часу, разному для всех, разделяются люди.

В отличие от Жуковского и Батюшкова Пушкин не делает выводов из сознания конечности земного существования человека. Поэт далек от желания давать уроки жизни, читать мораль или предлагать практические рекомендации по использованию отпущенному человеку времени. Пушкин, как всегда, оставляет за читателем право самому извлекать (или не извлекать) выводы. В стихотворении просто сведены временность и вечность. «Память смертная», память о неизбежности смерти, о конечности человеческого существования на земле не оставляет поэта ни на минуту. И это само по себе несет великий смысл: можно прилепиться к земле, не думая о Небе, можно относиться к земной жизни как к не имеющей конца и обманывать себя, беспечно отодвигая неизбежное и прийти к неизбежному неготовым и растерянным. И это само по себе является внутренним предостережением от легкомысленного отношения к жизни. Человек, никогда не забывающий о том, что, быть может, его последний час придет сегодня, не может жить бездумно. Попробуйте относиться к каждому мгновению жизни как к последнему – и вы поймете, как сразу возрастает ценность самого обыденного занятия, как неожиданно исполнится глубочайшего смысла все ваши действия и разговоры, все эти «брежу», «вхожу», «сизу».

Как часто бывает у Пушкина, в последней строфе всплывает наиболее значимое слово первой, кристаллизуя поэтическую мысль стихотворения. Слова «вхожу», «вход» используются для обозначения границы между двумя жизненными пространствами, например, между улицей и храмом. «Гробовой вход» - это граница между пространствами жизни и смерти. С переходом этой границы от человека остается «бесчувственное тело», которому «Равно повсюду исповаться». «Гробовой вход» не имеет выхода, знаменует собой прекращение шума жизни. Не случайно улицы в первой строфе определяются эпитетом «шумные», контрастируя с вечным безмолвием, которое несет с собой смерть. Образ «гробового входа», замыкающий стихотворение, соотносится с многочисленными «входами» в жизни. Куда бы мы ни входили, этот наш вход может оказаться последним, «гробовым».

Почему никогда не оставляющее поэта ощущение возможной близости «гробового входа» нельзя назвать мрачным, тоскливым, обреченным? С другой стороны, не назовешь его и беспечно-равнодушным. У Пушкина «равнодушной» названа природа. Человек возвышается над «Красою вечною природы» своей способностью чувствовать, думать, переживать, сознавать конечность собственного существования. А вековечный дуб, «патриарх лесов», переживший многие поколения людей, может быть наделен «человеческим» эпитетом «равнодушный», но души он все-таки не имеет. Равнодушие природы противопоставлено в стихотворении великодушие

человека, без истерики и отчаяния готового уйти из жизни, уступая место новым поколениям, подчиняясь неумолимому закону времени («Мне время тлеть, тебе цвести»). Не в силах человека преодолеть естественные законы природы, но человек может с достоинством уйти, смиряясь с неизбежностью своего ухода, не завидуя и желая блага тем, кто остается:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
видя благо в непрерывности естественного развития никогда не прекращающейся жизни на земле:

И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

«Вновь я посетил...», 1835.

...Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных...

Первые строки этого стихотворения — одно в мир, поэтически возведенный в текст. В них намечается тема и доминирующая интонация стихотворения. Из процитированных строк мы можем понять, что данное стихотворение о посещении места ссылки — Михайловского. В нем поэт вспоминает о событиях десятилетней давности: «Уж десять лет ушло с тех пор».

Можно ли понять узника, с грустной нежностью называющего свою тюрьму «уголок земли», а годы заточения определяющего как «два года незаметных»? Этот факт проясняется через пушкинскую формулу отношения к прошлому, прозвучавшую в стихотворении «Если жизнь тебя обманет...» (1825): «Все мгновенно, все пройдет, / Что пройдет, то будет мило».

В стихотворении «Вновь я посетил...» жизнь осмысливается как движение во времени и пространстве. Каждый момент этого движения прекрасен как проявление потока жизни. Потому в тексте снимается противоречие между такими разными пространствами, как «опальный домик» и «иные берега, иные волны». В одном ряду представлены образы, рисующие роскошь и многокрасочность природы («нив золотых», «пажитей зеленых», «синяя стелется широко», «неведомые воды»), и образы, обнаруживающие убожество крестьянской жизни («убогий невод», «скривилась мельница, насилиу крылья / Ворочая при ветре»).

Интонация воспоминания, встречи со знакомым («все те же», «все тот же», «по-прежнему», «знакомым шумом») и интонация узнавания нового, встречи с неизвестным ранее («неведомые воды», «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!») передают ощущения полноты жизни в привычных и неизведанных ранее проявлениях, в ее бесконечных повторениях и новизне.

В кольцевом обрамлении стихотворения («Вновь я посетил» — «с приятельской пирушки возвращаясь») представлена поэзия вечного возвращения как в индивидуальной судьбе, так и в судьбе поколений, что воссоздает естественный круговорот никогда не останавливающейся жизни.

Свою покорность «общему закону» Пушкин демонстрирует по отношению к жизни в ее вечной изменчивости: можно остаться «старым холостяком» — можно обзавестись семьей, как две сосны в отличие от их «угрюмого товарища», или как сам поэт.

Спокойное приятие неизбежного конца, отношение к смерти как к естественной необходимости вписываются в величественную и прекрасную гармонию пушкинского стихотворения как необходимый аккорд. Мир представлен как высшее единство, в котором каждое звено, каждый образ оправдан. И смерть не разрушает это единство постольку, поскольку человек не оставляет за собой пустоту.

Светлое умиротворение, неколебимое душевное равновесие, которыми проникнуто стихотворение, — следствие веры в мудрость и справедливость жизни. Величественным гимном вечно обновляющейся жизни звучат последние строки стихотворения, утверждающие идею торжества жизни: «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!» Память, духовная связь между людьми и поколениями — вот то главное, что даст силы с оптимизмом относиться к жизни и не бояться смерти. Жизнь не уходит бесследно, но остается в памяти: помнит о няне поэт, не сомневается он и в том, что его внук «обо мне вспомянет».

Человек в стихотворении представлен как часть природы. Природный способ существования, обновление жизни, осуществляемое через гибель старого и торжество нового, является общим и для поэта и для сосен, описываемых им. Кусты теснятся около старых сосен, «как дети», одинокая сосна стоит, «как старый холостяк». Одухотворенность проявляется в способности слышать, думать, помнить, сознавать духовную связь и преемственность поколений и непрерывность жизни, соотносить времена и пространства, любоваться красотой, наделять человеческими свойствами природу.